

Максим Горький

Враги



Максим Алексеевич Горький

Враги

*Текст предоставлен правообладателем
Враги: 1906*

Аннотация

«Сад. Большие, старые липы. В глубине, под ними, белая солдатская палатка. Направо, под деревьями, широкий диван из дерна, перед ним стол. Налево, в тени лип, длинный стол, накрытый к завтраку. Кипит небольшой самовар. Вокруг стола плетеные стулья и кресла. Аграфена варит кофе. Под деревом стоит Конь, куря трубку, перед ним Пологий...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Максим Горький

Враги

Действующие лица

Бардин, Захар, 45 лет.

Полина, его жена, под 40 лет.

Бардин, Яков, 40 лет.

Татьяна, его жена, 28 лет, актриса.

Надя, племянница Полины, 18 лет.

Печенегов, генерал в отставке, дядя Бардиных.

Клеопатра, жена его, 30 лет.

Скроботов, Николай, брат его, 35 лет, юрист, товарищ прокурора.

Синцов, конторщик.

Пологий, конторщик.

Конь, отставной солдат.

Рабочие:

Греков

Левшин

Ягодин

Рябцов

Акимов

Аграфена, экономка.

Квач, вахмистр.

Поручик.

Становой.

Урядник.

Жандармы, солдаты, рабочие, служащие, прислуга.

Действие первое

Сад. Большие, старые липы. В глубине, под ними, белая солдатская палатка. Направо, под деревьями, широкий диван из дерна, перед ним стол. Налево, в тени лип, длинный стол, накрытый к завтраку. Кипит небольшой самовар. Вокруг стола плетеные стулья и кресла. Аграфена варит кофе. Под деревом стоит Конь, куря трубку, перед ним Пологий.

Пологий (*говорит, нелепо жестикулируя.*) Конечно, ваша правда, я человек маленький, жизнь у меня мелкая, но каждый огурец возвращен мною собственноручно, и рвать его без возмездия мне я не могу разрешить.

Конь (*угрюмо.*) А твоего разрешения никто и не просит.

Пологий (*прижимая руку к сердцу.*) Но позвольте! Если вашу собственность нарушают, – имеете вы право просить защиты закона?

Конь. Проси. Сегодня огурцы рвут, а завтра головы рвать будут... Вот тебе и закон!

Пологий. Однако... это странно и даже опасно слышать! Как же вы, солдат и кавалер, можете пренебрегать законом?

Конь. Закона – нет. Есть – команда. Налево кругом марш! И – ступай! Скажут – стой! Значит – стой.

Аграфена. Вы бы, Конь, не курили здесь вашу махорку, от нее лист на деревьях вянет...

Пологий. Если бы они с голоду, – это я понимаю... Голод может объяснить многие поступки; можно сказать, что все подлости совершаются для утоления голода. Когда хочется кушать, то, конечно...

Конь. Ангелы – не едят, а сатана против бога пошел все-таки...

Пологий (*радостно*). Вот это я и называю озорством!..
(Идет Яков Бардин. Говорит негромко и как бы сам при-
слушивается к своим словам. Пологий кланяется ему. Конь
небрежно «отдает честь».)

Яков. Здравствуйте. Вы – что?

Пологий. К Захару Ивановичу с покорной просьбой...

Аграфена. Жаловаться пришел. У него этой ночью фаб-
ричные ребята огурцы украли.

Яков. А-а... Это нужно сказать брату...

Пологий. Совершенно верно... я к ним и направляюсь.

Конь (*ворчливо*). Никуда ты не направляешься, а стоишь
на одном месте и ноешь.

Пологий. Я вам, думается, не мешаю. Если бы вы газету
читали или что другое, то, конечно, я бы вам мешал.

Яков. **Конь**, подите сюда...

Конь (*идет*). Крохобор ты, Пологий... клязник!

Пологий. Вы совершенно напрасно произносите эти сло-
ва... Язык дан человеку для вознесения жалоб...

Аграфена. Да перестаньте, Пологий... точно вы не чело-
век, а комар...

Яков (*Коню*). Что он тут, а? Ушел бы...

Пологий (*Аграфене*). Если слова мои беспокоят ваше ухо, но сердца не трогают, – я замолчу. (*Идет прочь и, прохаживаясь по дорожке, щупает рукой деревья.*)

Яков (*смущенно*). Что, Конь, я, кажется, вчера опять... обидел кого-то?

Конь (*усмехаясь*). Было. Это – было.

Яков (*прохаживаясь*). Гм... удивительно! Почему пьяный я всегда дерзости говорю?

Конь. Бывает это. Иной раз пьяные люди лучше трезвых, храбрее. Никого не боится, ну и себя не милует... У нас в роте унтер-офицер был, трезвый – подлиза, ябедник, драчун. А пьяный – плачет. Братцы, говорит, я тоже человек, плюньте, просит, мне в рожу. Некоторые – плевали.

Яков. А с кем я вчера говорил?

Конь. С прокурором. Сказали ему, что у него деревянная голова. Потом о директоровой жене сказали прокурору, что у нее любовников много.

Яков. Ну, вот... а какое мне дело до этого?

Конь. Не знаю. Еще вы...

Яков. Хорошо, Конь, довольно... а то окажется, что я всем что-нибудь сказал неприятное... Да, вот какое несчастье – водка... (*Подошел к столу и смотрит на бутылки, наливает большую рюмку, маленькими глотками высасывает ее. Аграфена, искоса глядя на него, вздыхает.*) Вам немножко жалко меня, а?

Аграфена. Очень жалко... такой вы простой со всеми – точно и не барин...

Яков. А вот Конь никого не жалеет, он только философствует. Чтобы человек задумался, его надо обидеть – так, **Конь?** *(В палатке раздаётся крик генерала: «Конь! Эй!».)* Вас сильно намучили, оттого вы и умный?

Конь *(идет)*. Я как увижу генерала, то сразу дураком становлюсь...

Генерал *(выходит из палатки)*. Конь! Купаться, живо! *(Идут в глубину сада.)*

Яков *(сел, качается на стуле)*. Моя супруга еще спит?

Аграфена. Уже встали. Купались.

Яков. Так вам меня жалко?

Аграфена. Вам бы полечиться.

Яков. Ну, налейте мне немножко коньяку.

Аграфена. Может, не надо, Яков Иванович?

Яков. А почему? Если я не выпью однажды, – это ничему не поможет.

(Вздыхнув, Аграфена наливает коньяку. Быстро идет Михаил Скроботов, возбужденный; нервно теревит острую черную бородку. Шляпа – в руке, и он мнет ее пальцами.)

Михаил. Захар Иванович встал? Нет еще? Разумеется! Дайте мне... есть тут холодное молоко? Спасибо. Доброе утро, Яков Иванович!.. Вы знаете новость?.. Эти подлецы требуют, чтобы я прогнал мастера Дичкова... да! Грозят бросить работу... черт бы их...

Яков. А вы удалите мастера.

Михаил. Это – просто, да, но – не в этом же дело! Дело в том, что уступки их развращают. Сегодня они требуют – прогнать мастера, завтра они захотят, чтобы я повесился для их удовольствия...

Яков (*мягко*). Вы думаете, они завтра захотят этого?

Михаил. Вам – шутки! Нет, вы бы попробовали поговорить с чумазыми джентльменами, когда их около тысячи человек да им кружат головы – и ваш братец разной либеральностью, и какие-то идиоты прокламациями... (*Смотрит на часы.*) Скоро десять, а в обед они обещают начать свои дурачества... Да-с, Яков Иванович, за время моего отпуска ваш почтенный братец испортил мне фабрику... развратил людей недостатком твердости...

(*Справа является.*) **Синцов.** *Ему лет тридцать. В его фигуре и лице есть что-то спокойное и значительное.*)

Синцов. Михаил Васильевич! В контору пришли депутаты рабочих, требуют хозяина.

Михаил. Требуют? Пошлите вы их ко всем чертям! (*Полина идет с левой стороны.*) Извиняюсь, Полина Дмитриевна!

Полина (*любезно*). Вы – всегда ругаетесь. Почему – сейчас?

Михаил. Да вот, все этот пролетариат!.. Он там – требует!.. Раньше он у меня смиренно просил...

Полина. Вы жестоки с людьми, уверяю вас!

Михаил (*разводит руками*). Ну, вот!

Синцов. Что же сказать депутатам?

Михаил. Пусть подождут... Идите!

(*Синцов не спеша уходит.*)

Полина. Интересное лицо у этого служащего. Давно он у нас?

Михаил. Около года, кажется...

Полина. Он делает впечатление порядочного человека. Кто он?

Михаил (*пожимая плечами*). Получает сорок рублей. (*Смотрит на часы; вздыхая, оглядывается, видит под деревом Полового.*) Вы что? За мной?

Пологий. Я, Михаил Васильевич, к Захару Ивановичу...

Михаил. Зачем?

Пологий. По случаю нарушения права собственности...

Михаил (*Полине*). Вот, рекомендую, тоже один из новых служащих! Человек со стремлением к огородничеству. Глубоко убежден, что все на земле создано затем, чтобы нарушать его интересы. Все ему мешает – солнце, Англия, новые машины, лягушки...

Пологий (*улыбаясь*). Лягушки, смею заметить, всем мешают, когда они кричат...

Михаил. Идите-ка вы в контору! Что это за привычка у вас – бросить дело и ходить жаловаться? Мне это не нравится... Идите!

(*Пологий, поклонившись, идет. Полина с улыбкой смотрит.*)

рит на него в лорнет.)

Полина. Вот какой вы строгий! А он – смешной... Вы знаете, в России люди разнообразнее, чем за границей.

Михаил. Скажите – безобразнее, – и я соглашусь. Я командую народом пятнадцать лет... Я знаю, что это такое – добрый русский народ, раскрашенный поповской литературой.

Полина. Поповской?

Михаил. Ну, конечно. Все эти Чернышевские, Добролюбовы, Златовратские, Успенские... *(Глядит на часы.)* Долго же не идет Захар Иванович, ах!

Полина. Вы знаете, чем он занят? Доигрывает вчерашнюю партию в шахматы с вашим братом.

Михаил. А там после обеда хотят работу бросать... Нет, знаете, из России толку не выйдет никогда! Уж это верно. Страна анархизма! Органическое отвращение к работе и полная неспособность к порядку... Уважение к законности – отсутствует...

Полина. Но это естественно! Как возможна законность в стране, где нет законов? Ведь, между нами говоря, наше правительство...

Михаил. Ну, да! Я не оправдываю никого! И правительство. Вы возьмите англосакса... *(Идут Захар Бардин и Николай Скроботов.)* Нет лучшего материала для строения государства. Англичанин перед законом ходит, как дрессированная лошадь в цирке. Чувство законности у него в костях, в

мускулах... Захар Иванович, здравствуйте! Здравствуй, Николай! Позвольте вам сообщить о новом результате вашей либеральной политики с рабочими: они требуют, чтобы вы немедленно прогнал Дичкова, в противном случае после обеда бросают работу... да-с! Как вы на это смотрите?

Захар (*потирая лоб*). Я? Гм... Дичков? Это... который дерется? И насчет девиц что-то такое?.. Прогнать Дичкова, разумеется! Это – справедливо.

Михаил (*волнуется*). Ф-фу! Уважаемый компаньон, давайте говорить серьезно. Речь идет о деле, а не о справедливости; справедливость – это вот задача Николая. И я еще раз скажу, что справедливость, как вы ее понимаете, пагубна для дела.

Захар. Позвольте, дорогой! Вы говорите парадоксы!

Полина. Деловые разговоры при мне... с утра...

Михаил. Тысяча извинений, но я буду продолжать... Я считаю это объяснение решительным. До моего отъезда в отпуск я держал завод вот так (*показывает сжатый кулак*.), и у меня никто не смел пищать! Все эти воскресные развлечения, чтения и прочие штуки я, как вам известно, не считал полезными в наших условиях... Сырой русский мозг не вспыхивает огнем разума, когда в него попадает искра знания, – он тлеет и чадит...

Николай. Говорить надо спокойно.

Михаил (*едва сдерживаясь*). Благодарю за совет. Он очень мудр, но – мне не годится! Ваше отношение к ра-

бочим, Захар Иванович, в полгода развинтило и расшатало весь крепкий аппарат, созданный моим восьмилетним трудом. Меня уважали, меня считали хозяином... Теперь всем ясно, что в деле два хозяина, добрый и злой. Добрый, конечно, вы...

Захар (*смущенно*). Позвольте... Зачем же так?

Полина. Михаил Васильевич, вы говорите очень странно!

Михаил. Я имею причину говорить так... я поставлен в глупейшее положение! Простой раз я заявил рабочим, что скорее закрою фабрику, чем выгоню Дичкова... Они поняли, что я сделаю так, как говорю, и – успокоились. В пятницу вы, Захар Иванович, сказали рабочему Грекову, что Дичков – грубый человек и вы его собираетесь прогнать...

Захар (*мягко*). Но, дорогой мой, если он бьет людей по зубам... и прочее? Согласитесь – этого нельзя терпеть! Мы же европейцы, мы – культурные люди!

Михаил. Прежде всего мы – фабриканты! Рабочие каждый праздник бьют друг друга по зубам, – какое нам до этого дело? Но вопрос о необходимости учить рабочих хорошим манерам вам придется решать после, а сейчас вас ждет в конторе депутация – она будет требовать, чтобы вы прогнали Дичкова. Что вы думаете делать?

Захар. Но разве Дичков такой ценный человек, а?

Николай (*сухо*). Насколько я понимаю – здесь дело идет не о человеке, а о принципе.

Михаил. Именно! Стоит вопрос: кто хозяин на фабрике — мы с вами или рабочие?

Захар (*растерянно*). Да, я понимаю! Но...

Михаил. Если мы уступим им, — я не знаю, чего они еще потребуют. Это нахалы. Воскресные школы и прочее сыграло свою роль за полгода — они смотрят на меня волками, и есть уже прокламации... слышен запах социализма... да!

Полина. Такая глушь, и вдруг — социализм... это забавно.

Михаил. Вы думаете? Уважаемая Полина Дмитриевна, когда дети малы, они все забавные, но постепенно они растут, и однажды — мы встречаемся с большими мерзавцами...

Захар. Что же вы хотите делать? А?

Михаил. Закрывать завод. Пусть немножко поголодают, это их охладит. (*Яков встает, подходит к столу и выпивает; потом медленно уходит прочь.*) Когда мы закроем завод, в дело вступят женщины... Они будут плакать, а слезы женщин действуют на людей, опьяненных мечтами, как нашатырный спирт, — они отрезвляют!

Полина. Вы ужасно жестко говорите!

Михаил. Так требует жизнь.

Захар. Но, знаете, эта мера... вызвана ли она необходимостью?

Михаил. Вы можете предложить что-нибудь другое?

Захар. Если я пойду поговорю с ними, а?

Михаил. Вы, конечно, уступите им, и тогда мое положение станет невозможным... Вы извините меня, но ваши ко-

лебания мне обидны, да! Не говоря о их вреде...

Захар (*поспешно*). Но, дорогой, ведь я не возражаю, я только думаю. Вы знаете, я больше помещик, чем промышленник... Все это для меня ново, сложно... Хочется быть справедливым... Крестьяне мягче, добродушнее рабочих... с ними я живу прекрасно!.. Среди рабочих есть очень любопытные фигуры, но в массе – я соглашаюсь – они очень распущенны...

Михаил. Особенно с той поры, как вы надавали им обещаний...

Захар. Но, видите ли, после вашего отъезда сразу началось какое-то оживление... то есть возбуждение... Я, может быть, вел себя неосторожно... однако нужно было успокоить их. Писали в газетах о нас... И очень резко, знаете...

Михаил (*нетерпеливо*). Сейчас семнадцать минут одиннадцатого. Вопрос необходимо решить; он стоит так: или я закрываю завод, или уйду из дела. Закрыв завод, мы не терпим убытка, – я принял меры. Спешные заказы готовы, и в складах кое-что есть...

Захар. Н-да-а. Необходимо решить сейчас... я понимаю! Как вы думаете, Николай Васильевич?

Николай. Думаю, что брат прав. Необходимо твердо держаться строго определенных принципов, если нам дорога культура.

Захар. То есть вы тоже думаете – закрыть? Как это досадно!.. Дорогой Михаил Васильевич, не обижайтесь на меня...

я ответчу минут... через десять!.. Хорошо?

Михаил. Пожалуйста!

Захар. Полина, я тебя попрошу, иди со мною...

Полина (*идя за мужем*). Ах, боже мой! Как все это неприятно...

Захар. У крестьянина есть врожденное веками чувство уважения к дворянину...

(*Ушли.*)

Михаил (*сквозь зубы*). Кисель! Это он говорит после аграрных погромов на юге! Дуррак...

Николай. Спокойнее, Михаил! Зачем так распускаться?

Михаил. У меня нервы болят, пойми! Я иду на фабрику и – вот! (*Вынимает из кармана револьвер.*) Меня ненавидят благодаря этому болвану! И я не могу бросить дело – ты первый осудил бы меня за это. В нем весь наш капитал. Уйди я – этот лысый идиот все погубит.

Николай (*спокойно*). Это скверно, если ты не преувеличиваешь.

Синцов (*идет*). Вас просят рабочие...

Михаил. Меня? Что такое?

Синцов. Распространился слух, что с обеда завод закроют.

Михаил (*брату*). Каково! Откуда они знают?

Николай. Вероятно, это Яков Иванович сказал.

Михаил. А... черт! (*Смотрит на Синцова с раздражением, которого не может сдерживать.*) А почему именно вы

так беспокоитесь, господин Синцов? Приходите, спрашиваете... а?

Синцов. Меня просил сходить за вами бухгалтер.

Михаил. Да? Что это за привычка у вас смотреть исподлобья и демонски кривить губы? Чему вы рады, смею спросить?..

Синцов. Я думаю – это мое дело.

Михаил. А я думаю иначе... и предлагаю вам вести себя со мной более прилично... да! *(Синцов пристально смотрит на него.)* Ну-с? Чего вы ждете?

Татьяна *(входит с правой стороны).* А, директор... торопитесь? *(Кричит Синцову.)* Матвей Николаевич, здравствуйте!

Синцов *(ласково).* Добрый день! Как чувствуете себя? Не устали, нет?

Татьяна. Нет, спасибо. Руки болят от весел... Идете на службу? Я вас провожу до калитки. Знаете, что я вам хочу сказать?

Синцов. Нет, разумеется.

Татьяна *(идет рядом с Синцовым).* Во всем, что вы вчера говорили, много ума, но еще больше – чего-то эмоционального, преднамеренного... Есть речи, которые более убедительны тогда, когда в них мало чувства... *(Не слышно, что говорят.)*

Михаил. Извольте видеть, какая ситуация! Служащий ваш, которого вы оборвали за дерзость, фамильярничает на

ваших глазах с женой брата вашего компаньона... Брат – пьяница, жена – актриса. И на кой черт они сюда приехали? Неизвестно!..

Николай. Странная женщина. Красива, умеет одеваться, так соблазнительна – и, кажется, устраивает роман с нищим. Эксцентрично, но глупо.

Михаил (*с иронией*). Это демократизм. Она, видишь ли, дочь сельской учительницы и говорит, что ее всегда тянет к простым людям... Черт меня дернул связаться с этими помещиками...

Николай. Ну, положим, это неплохо, хозяин дела – ты.

Михаил. Буду! Но еще не хозяин...

Николай. Я думаю, она очень доступна... кажется – чувственная.

Михаил. Этот либерал – спать лег там, что ли?.. Нет, Россия нежизнеспособна, говорю я!.. Люди сбиты с толку, никто не в состоянии точно определить свое место, все бродят, мечтают, говорят... Правительство – кучка каких-то обалдевших людей... злые, глупые, они ничего не понимают, ничего не умеют делать...

Татьяна (*возвращается*). Кричите?.. Все почему-то начинают кричать...

Аграфена. Михаил Васильевич, вас просят Захар Иванович.

Михаил (*идет, не дослушав*). Наконец!

Татьяна (*садится к столу*). Почему он такой возбужден-

ный?

Николай. Полагаю, вам это не интересно.

Татьяна (*спокойно*). Он мне напоминает одного полицейского. У нас в Костроме часто дежурил на сцене полицейский... такой длинный, с вытаращенными глазами.

Николай. Не вижу сходства с братом.

Татьяна. Я говорю не о внешнем сходстве... Он, полицейский, тоже всегда торопился куда-то, он не ходил, а бегал, не курил, а как-то задыхался дымом; казалось, он не живет, а прыгает, кувыркается, стараясь поскорее достичь чего-то... а чего – он не знал.

Николай. Вы думаете – не знал?

Татьяна. Я уверена. Когда у человека есть ясная цель, он идет спокойно. А этот торопился. И торопливость была особенная – она хлестала его изнутри, и он бежал, бежал, мешая себе и другим. Он не был жаден, узко жаден... он только жадно хотел скорее сделать все, что нужно, оттолкнуть от себя все обязанности – и обязанность брать взятки в том числе. Взятки он не брал, а хватал, – схватит, заторопится и забудет сказать спасибо... Наконец он подвернулся под лошадей, и они его убили.

Николай. Вы хотите сказать, что энергия брата бесцельна?

Татьяна. Да? Так вышло? Я не хотела этого сказать... Просто он похож на того полицейского...

Николай. Лестного тут мало для брата.

Татьяна. Я не собиралась говорить о нем лестно...

Николай. Вы оригинально кокетничаете.

Татьяна. Да?

Николай. Но – невесело.

Татьяна (*спокойно*). Разве есть женщины, которым с вами весело?

Николай. Ого!

Полина (*идет*). Сегодня у нас все как-то не клеится. Никто не завтракает, все раздражены... Точно не выпались. Надя рано утром ушла с Клеопатрой Петровной в лес за грибами... Я вчера просила ее не делать этого... О, боже... трудно становится жить!

Татьяна. Ты много кушаешь...

Полина. Таня, зачем этот тон? Ты ненормально относишься к людям...

Татьяна. Разве?

Полина. Легко быть спокойной, когда у тебя ничего нет и ты свободна! А вот когда около тебя кормятся тысяча людей... это не шутка!

Татьяна. Ты брось, не корми их, пусть они сами живут, как хотят... Отдай им все – завод, землю – и успокойся.

Николай (*закуривая*). Это вы – из какой пьесы?

Полина. Зачем так говорить, Таня? Не понимаю! Ты бы видела, как расстроен Захар... Мы решили закрыть завод на время, пока рабочие успокоятся. Но ты подумай, как это тяжело! Сотни людей останутся без работы. А у них дети...

ужасно!

Татьяна. Так не закрывайте, если ужасно... Зачем же делать неприятности самим себе?

Полина. Ах, Таня, ты раздражаешь! Если мы не закроем – рабочие сделают стачку, и это будет еще хуже.

Татьяна. Что будет хуже?

Полина. Все вообще... Не можем же мы уступать всем их требованиям? И, наконец, это совсем не их требования, а просто социалисты научили их, они и кричат... (*Горько.*) Этого я не понимаю! За границей социализм на своем месте и действует открыто... А у нас, в России, его нашептывают рабочим из-за углов, совершенно не понимая, что в монархическом государстве это неуместно!.. Нам нужна конституция, а совсем не это... Как вы думаете, Николай Васильевич?

Николай (*усмехаясь*). Несколько иначе. Социализм очень опасное явление. И в стране, где нет самостоятельной, так сказать, расовой философии, где все хватают со стороны и на лету, там он должен найти для себя почву... Мы люди крайностей... вот наша болезнь.

Полина. Это очень верно! Да, мы люди крайностей.

Татьяна (*вставая*). Особенно ты и твой муж. Или вот товарищ прокурора...

Полина. Ты не знаешь, Таня... а Захара считают одним из красных в губернии!

Татьяна (*ходит*). Я думаю, он краснеет только со стыда, да и то не часто...

Полина. Таня! Что ты, бог с тобой?..

Татьяна. Разве это обидно? Я не знала... Мне ваша жизнь кажется любительским спектаклем. Роли распределены скверно, талантов нет, все играют отвратительно. Пьесу нельзя понять...

Николай. В этом есть правда. И все жалуются – ах, какая скучная пьеса!

Татьяна. Да, мы портим пьесу. Мне кажется, это начинают понимать статисты и все закулисные люди... Однажды они прогонят нас со сцены...

(Идут генерал и Конь.)

Николай. Однако! Куда вы метнули.

Генерал *(кричит, подходя).* Полина! Молока генералу, – х-хо! Холодного молока!.. *(К Николаю.)* А-а, гроб законов!.. Моя превосходная племянница, ручку! Конь, отвечай урок: что есть солдат?

Конь *(скучно).* Как угодно начальству, ваше превосходительство!

Генерал. Может солдат быть рыбой, а?

Конь. Солдат должен все уметь...

Татьяна. Милый дядя, вы и вчера забавляли нас этой сценой... Неужели – каждый день?

Полина *(вздыхая).* Каждый день, после купанья.

Генерал. Каждый день, да! И всегда разное – обязательно! Он, старый шут, должен сам выдумывать ответы и вопросы.

Татьяна. Вам это нравится, Конь?

Конь. Его превосходительству нравится.

Татьяна. А вам?

Генерал. Ему тоже...

Конь. Стар я для цирка... ну, а терпеть надо, когда есть нужно...

Генерал. А! Хитрая каналья! Кругом марш!..

Татьяна. Вам не скучно издеваться над стариком?

Генерал. Я сам старик! А вы сами скучная. Актриса должна смешить, а вы что?

Полина. Ты знаешь, дядя...

Генерал. Ничего не знаю...

Полина. Мы закрываем завод...

Генерал. Ага! Прекрасно! Он – свистит. Рано утром спишь так крепко, вдруг – у-у-у! Закрыть его!..

Михаил (*быстро идет*). Николай, на минутку! Ну, завод закрыт. Но на всякий случай надо принять меры... Пошли телеграмму вице-губернатору: кратко сообщи положение дела и требуй солдат... Подпиши моим именем.

Николай. Я с ним тоже приятель.

Михаил. Иду объявить этим депутатам – к черту!.. Ты не говори о телеграмме, я сам скажу, когда будет нужно... Да?

Николай. Хорошо.

Михаил. А великолепно чувствуется, когда поставишь на своем! Я, брат, старше тебя годами, но моложе душой, а?

Николай. Это не молодость, а нервозность, я думаю...

Михаил (*с иронией*). Вот я тебе покажу нервозность! Увидишь! (*Смеется, уходит.*)

Полина. Решили, Николай Васильевич, да?

Николай (*уходя*). Да, кажется.

Полина. О, боже мой!

Генерал. Что решили?

Полина. Закрыть завод...

Генерал. Ах, да... Конь!

Конь. Здесь.

Генерал. Удочки и лодку.

Конь. Готово.

Генерал. Пойду молчать с рыбами... Это более умно, чем скучать с людьми... (*Хохочет.*) Ловко сказано, а? (*Надя бежит.*) А-а, мотылек!.. Что такое?

Надя (*радостно*). Приключение! (*Обернувшись назад, зовет.*) Идите, пожалуйста! Греков! Вы не пускайте его, Клеопатра Петровна! Знаешь, тетя, выходим мы из лесу – вдруг трое пьяных рабочих... понимаешь?

Полина. Ну вот! Я всегда говорила тебе...

Клеопатра (*за нею Греков*). Представьте, какая гадость!

Надя. Почему – гадость? Просто смешно!.. Трое рабочих, тетя... Улыбаются и говорят: «Барыни вы наши милые...»

Клеопатра. Я непременно попрошу мужа прогнать их...

Греков (*улыбаясь*). За что же?

Генерал (*Наде*). Это кто такой – чумазый?

Надя. Наш спаситель, дед, понимаешь?

Генерал. Ничего не понимаю!

Клеопатра (*Наде*). Вы рассказываете бог знает как.

Надя. Я говорю, как нужно!

Полина. Но ничего нельзя понять, Надя!

Надя. Вы мне мешаете потому что!.. Подходят к нам и говорят: «Барышни! давайте с нами песни петь...»

Полина. Ах, какое нахальство!

Надя. Вовсе нет! «Мы, говорят, знаем, – вы очень хорошо поете... Конечно, мы выпивши, но выпившие мы лучше!» Это верно, тетя! Пьяные они не такие хмурые, как всегда...

Клеопатра. На наше счастье, вот этот молодой человек...

Надя. Я расскажу лучше вас! Клеопатра Петровна начала их ругать... Это вы напрасно! Уверяю вас!.. Тогда один из них, такой высокий и худой...

Клеопатра (*с угрозой*). Я его знаю!

Надя. Взял ее за руку и – так грустно – сказал: «Такая вы красивая, образованная женщина, смотреть на вас приятно, а вы – ругаетесь. Разве мы вас обидели?» Он очень хорошо сказал, так... от души! Ну, а другой, – он действительно... Он сказал: «Чего ты с ними говоришь? Разве они что-нибудь могут понять? Они – зверье!..» Это мы зверье – я и она! (*Смеется.*)

Татьяна (*усмехаясь*). Ты, кажется, довольна этим титулом?

Полина. Я говорила тебе, Надя... Вот ты бегаешь всюду...

Греков (*Наде*). Я могу идти?

Надя. О нет, пожалуйста! Хотите чаю? Или молока? Хотите?

(Генерал хохочет, Клеопатра пожимает плечами. Татьяна смотрит на Грекова и что-то напевает сквозь зубы. Полина опустила голову и тщательно вытирает ложки полотенцем.)

Греков (*улыбаясь*). Спасибо, не хочу.

Надя (*убедительно*). Вы, пожалуйста, не стесняйтесь!.. Это все... добрые люди, уверяю вас!

Полина (*протестуя*). О, Надя!

Надя (*Грекову*). Вы не уходите, я сейчас все расскажу...

Клеопатра (*недовольно*). Одним словом, этот молодой человек явился вовремя и уговорил своих пьяниц-товарищей оставить нас в покое... а я попросила его проводить нас. Вот и все...

Надя. Ах, ну что это! Если бы все было, как вы рассказываете... все умерли бы со скуки!

Генерал. Каково, а?

Надя (*Грекову*). Вы сядьте! Тетя, да пригласите же его сесть! Отчего вы все такие кислые?

Полина (*сидя, Грекову*). Благодарю вас, молодой человек...

Греков. Не за что...

Полина (*более сухо*). С вашей стороны было очень хорошо защитить женщин.

Греков (*спокойно*). Они не нуждались в защите... их никто не обижал.

Надя. Но, тетя же! Разве можно так говорить?..

Полина. Я попрошу не учить меня...

Надя. Но пойми – никакой защиты не было! Он просто сказал им: «Оставьте, товарищи, это нехорошо!» Они обрадовались ему: «Греков! Идем с нами, ты – умный!» Он действительно, тетя, очень умный... вы извините меня, Греков, но ведь это правда!..

Греков (*усмехаясь*). Вы ставите меня в неловкое положение...

Надя. Это не я, а вот они, Греков!

Полина. Надя!.. Ты знаешь, я не понимаю экстаза... Все это смешно... И – довольно!

Надя (*возбужденно*). Так смейтесь! Почему же вы сидите, как сычи? Смейтесь!

Клеопатра. У Нади способность из всякого пустяка делать историю с шумом, с восторгом. И особенно это хорошо сейчас на глазах... чужого человека, который, видите, – смеется над ней.

Надя (*Грекову*). Вы надо мной смеетесь? Почему?

Греков (*просто*). Я люблюсь вами, а не смеюсь...

Полина (*поражена*). Что? Дядя...

Клеопатра (*усмехаясь*). Вот вам!

Генерал. Ну, баста! Хорошенького понемножку. Молодой человек, вот, возьми себе и – ступай...

Греков (*отворачиваясь*). Благодарю... не нужно.

Надя (*закрыв лицо руками*). Ой! Зачем?

Генерал (*останавливая Грекова*). Подожди! Это – десять рублей...

Греков (*спокойно*). Ну, и что же?

(*Секунду все молчат.*)

Генерал (*смущен*). Э... Вы кто такой?

Греков. Рабочий.

Генерал. Кузнец?

Греков. Слесарь.

Генерал (*строго*). Это все равно! А почему ты не берешь деньги, а?

Греков. Не хочу.

Генерал (*раздражаясь*). Что за комедия? Чего же тебе нужно?

Греков. Ничего.

Генерал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.